

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-146-161](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-146-161)

Политические науки

Оценка дружелюбности коммуникационных режимов постсоветских стран: итоги мониторинга 2025 г.

Валентина Вячеславовна Комлева ✉

Национальный исследовательский институт развития
коммуникаций, Москва, Россия

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу динамики коммуникационных режимов постсоветских стран по итогам пятого мониторинга, проведенного Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций в 2025 г. Коммуникационные режимы рассматриваются как институционализированные системы правил, акторов и практик, регулирующих производство информации, каналы коммуникации, трансграничные взаимодействия. На основе комплексной методики, включающей оценку 12 групп коммуникаций и 74 показателей дружелюбности, сформирован интегральный рейтинг стран по степени благоприятности условий и возможностей взаимодействия с Россией. Эмпирическая база исследования охватывает нормативно-правовые акты, стратегические документы, общественные и медиадискурсы, практику межгосударственных взаимодействий, экспертные оценки. Результаты показывают устойчивость сложившихся групп дружелюбных и недружелюбных коммуникационных режимов. Выявлены ключевые тенденции: развитие гуманитарной многовекторности, прагматизация внешних коммуникаций, усиление государственного регулирования медиасферы и гражданских

коммуникаций, а также рост секьюритизации российского направления в ряде стран. Показано, что институционализация правил и практик оказывает более сильное влияние на качество коммуникаций, чем публичная политическая риторика. Полученные результаты позволяют рассматривать коммуникационные режимы как индикатор моделей суверенитета и механизм формирования новых конфигураций взаимодействия на постсоветском пространстве. Автор углубляется в детальное изучение факторов, определяющих динамику межгосударственного и внутригосударственного взаимодействия, с целью выявления ключевых тенденций трансформации коммуникационных моделей. В результате проведенного анализа формулируются обоснованные прогнозы относительно перспектив развития данных отношений, что позволяет представить целостную картину текущего состояния и будущих направлений сотрудничества на региональном уровне.

Ключевые слова: коммуникационные режимы, постсоветское пространство, рейтинг дружелюбности, многовекторность, секьюритизация коммуникаций, медиapolитика, трансграничные коммуникации

Для цитирования: Комлева В.В. Оценка дружелюбности коммуникационных режимов постсоветских стран: итоги мониторинга 2025 г. // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 1(19). С. 146-161, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-146-161](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-146-161)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-146-161](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-146-161)

Political Sciences

Assessment of the Friendliness of Communication Regimes in Post-Soviet Countries: Results of Monitoring in 2025

Valentina V. Komleva ✉

National Research Institute for the Communications Development, Moscow,
Russia

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>.ru

Abstract. This article analyses the dynamics of communication regimes in post-Soviet countries, based on the fifth monitoring conducted by the National Research Institute for Communication Development in 2025. Communication regimes are seen as institutionalized systems of rules, actors and practices that regulate information production, communication channels and cross-border interactions. A comprehensive methodology has been used to assess 12 communication groups and 74 indicators of friendliness, resulting in an integrated ranking of countries according to favourable conditions and opportunities for interaction with Russia. The empirical basis for the study includes regulatory legal acts, strategic documents, public discourse, media discourse, interstate interaction and expert assessments. The findings demonstrate the stability of groups of friendly and unfriendly communication regimes. Key trends identified include the development of humanitarian multivector approaches, the pragmatization of external communications,

increased government regulation of the media and civil communications spheres, and the growing securitization of the Russian presence in a number of countries. It is shown that institutionalization of rules and practices has a stronger impact on communication quality than public political rhetoric. The results obtained allow us to consider communication regimes as indicators of sovereignty models and mechanisms for the formation of new interaction configurations in the post-Soviet space. The author studies in detail the factors determining dynamics of interstate and intrastate interactions to identify key trends in transformation of communication models. Analysis yields substantiated forecasts about prospects for development of these relations providing a comprehensive view of current state and future directions of cooperation at regional level.

Keywords: communication regimes, post-Soviet space, friendliness rating, multi-vector approach, securitization of communications, media policy, cross-border communications

For citation: Komleva V.V. Assessment of the Friendliness of Communication Regimes in Post-Soviet Countries: Results of Monitoring in 2025. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2026; 1(19): 146-161, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-146-161](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-146-161)

Введение

В условиях ускоряющейся турбулентности постсоветского пространства коммуникационные режимы становятся ключевым фактором устойчивости государств и общественных институтов. Под «коммуникационным режимом» понимается система формальных и неформальных правил и норм, институтов и акторов, регулирующих производство и распространение информации, а также каналы гражданских и межгосударственных коммуникаций.

Концепция коммуникационных режимов, разработанная в НИИРК [1–6; 9; 10; 12], применяется как инструмент анализа внутриполитических процессов, трансграничных взаимодействий и трансформации публичных коммуникаций. С 2020 г. исследование ведется в виде мониторингов, итоги которых представлены в научных публикациях, аналитических докладах и дискуссионных форматах. Материалы мониторинга использованы в диссертационных исследованиях [11] и в экспертной работе органов государственной власти.

В 2025 г. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК) завершил пятый мониторинг коммуникационных режимов постсоветских стран и подготовил пятый Рейтинг дружелюбности. Оценка дружелюбности отражает влияние правовых и политических условий, медиасреды и общественного дискурса на возможности взаимодействия с Россией и характер ее публичной репрезентации. Дружелюбность предполагает преимущественно взаимно благоприятные отношения стран, основанные на взаимном уважении, принципах дружбы и добрососедства, взаимных интересах и ценностях мирного сосуществования в многополярном мире.

В данной статье публикуются основные выводы по итогам мониторинга 2025 г. и раскрывается динамика коммуникационных режимов, выявленная нами за пять лет.

Материалы и методы

Методика комплексной оценки дружелюбности страновых коммуникационных режимов разработана нами в НИИРК с учетом возможностей сбора открытого эмпирического материала, фиксации и группировки научных фактов. Оценке подвергались 12 групп коммуникаций (Таблица 1).

Таблица 1. Группы коммуникаций, которые оценивались в ходе мониторинга
Table 1. Communication Groups that Were Assessed during Monitoring (in Points)

Группы коммуникаций, подлежащих оценке	Сумма баллов по каждой группе коммуникаций с учетом ее веса в общей оценке дружелюбности		
	Максимальный балл по группе коммуникаций	Минимальный балл по группе коммуникаций	
Группа 1	Внешнеполитические коммуникации	14,5	-14,5
Группа 2	Экономические коммуникации	7	-7
Группа 3	Образовательные коммуникации	10,6	-10,6
Группа 4	Научные коммуникации	6,8	-6,8
Группа 5	Культурные коммуникации	13,3	-13,3
Группа 6	Медиакоммуникации	8,1	-8,1
Группа 7	Коммуникации НКО	12,5	-12,5
Группа 8	Молодежные коммуникации	2,6	-2,6
Группа 9	Религиозные и межрелигиозные коммуникации	2,7	-2,7
Группа 10	Отношение к Российской Федерации, россиянам, этническим русским внутри страны	15	-15
Группа 11	Свобода передвижения и визовый режим	2,7	-2,7
Группа 12	Межрегиональные коммуникации	4,2	-4,2
Итого по всем группам коммуникаций		100	-100

В каждой группе коммуникаций были выделены показатели дружелюбности коммуникационных режимов (всего 74 показателя). Все 74 показателя ранжировались по степени их значимости (наиболее значимые, значимые и наименее значимые для дружелюбности коммуникационных режимов). В соответствии со степенью значимости показателям присваивались веса.

Мониторинг проводился поэтапно.

Этап 1: сбор эмпирической информации по 74 показателям, анализ полученных данных, анализ странового контекста. Составление рейтинга № 1 на основе консенсусной оценки рабочей группы экспертов НИИРК.

Этап 2: анализ эмпирической информации совместно с экспертами в области международного сотрудничества, представителями международных организаций, международных подразделений органов власти, научных, образовательных, культурных, религиозных и др. организаций. Составление рейтинга № 2 на основе консенсусной оценки российских экспертов.

Этап 3: проведение серии научных дискуссий с представителями России и зарубежных стран (коммуникационные режимы которых подвергались оценке) с целью обсуждения рейтингов № 1 и № 2 и уточнения проблемных вопросов.

Этап 4: опрос экспертов в зарубежных странах (выборка экспертов не случайная, в соответствии с заданной квотой и критериями отбора экспертов). Статистическая обработка данных. Составление рейтинга № 3 на основе мнений зарубежных экспертов.

Этап 5: обработка данных, математические расчеты. Составление интегрального рейтинга дружелюбности методом суммы мест стран в рейтингах № 1, № 2, № 3. Рейтинговый балл варьируется от -100 до 100, что отражает степень недружелюбности / дружелюбности коммуникационного режима.

Этап 6: подготовка отчета и публикация научного доклада по итогам мониторинга дружелюбности коммуникационных режимов постсоветских стран.

Эмпирическую базу исследования составили: нормативно-правовые акты (НПА), создающие условия и регулирующие 12 видов коммуникаций (74 показателя дружелюбности коммуникационных режимов) в каждой исследуемой стране; государственные стратегические документы, выступления, заявления глав государств; актуальные практики (решения и действия) участников 12 видов коммуникаций и практика реализации НПА; актуальные, воспроизводящиеся традиции, обычаи, привычные паттерны и нарративы, проявляющиеся в 12 видах коммуникаций с Россией; материалы страновых массмедиа, социальных сетей. Анализ дискурсов и нарративов; статистические данные; результаты социологических опросов, экспертных интервью.

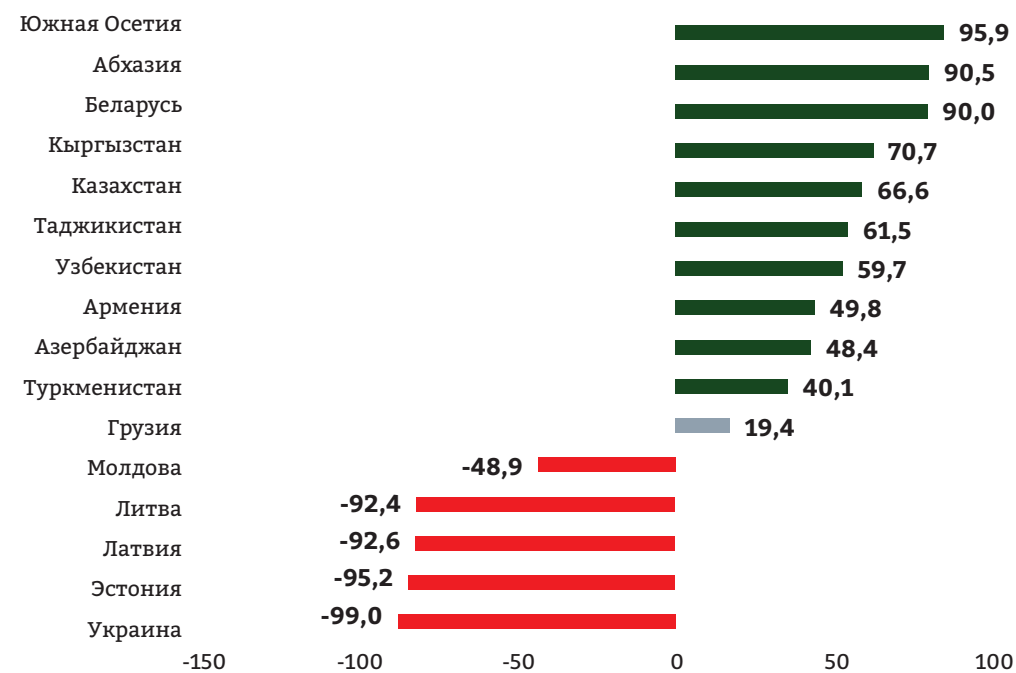
Методика и подробная информация о коммуникационных режимах 16 исследуемых постсоветских стран изложены в отчете [8].

Результаты исследования

Интегральный рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов

В 2025 г. группу дружелюбных коммуникационных режимов составляют 10 стран. В группу недружелюбных вошли пять стран. Одна страна оценивается как относительно дружелюбная / недружелюбная (Рисунок).

Рисунок 1. Количественные показатели Рейтинга дружелюбности коммуникационных режимов постсоветских стран (в баллах)
Figure 1. Quantitative Indicators of the Rating of Friendliness of Communication Regimes in Post-Soviet Countries (in Points)

По сравнению с 2024 г. состав стран в каждой группе не изменился, но изменились балльные значения по странам. Динамика дружелюбности / недружелюбности за 2024–2025 гг. представлена в Таблице 2.

Подробный анализ коммуникационных профилей каждой страны представлен в научных отчетах [7; 8]. Здесь сосредоточимся на основных выводах, которые мы можем сделать по итогам 2025 г. и по итогам пяти мониторингов, отразив выявленную нами динамику.

Таблица 2. Динамика дружелюбности / недружелюбности коммуникационных режимов**Table 2.** Dynamics of Friendliness / Unfriendliness of Communication Regimes

Место	Страна	2025 год Рейтинговый балл (max 100)	2024 год Рейтинговый балл (max 100). В скобках – место в рейтинге	Динамика рейтинговых баллов
Дружественные коммуникационные режимы				
1	Южная Осетия	95,9	94,8 (1)	↑
2	Абхазия	90,5	75,9 (3)	↑
3	Беларусь	90,0	88,6 (2)	↑
4	Кыргызстан	70,7	65,2 (4)	↑
5	Казахстан	66,6	63,7 (5)	↑
6	Таджикистан	61,5	56,4 (7)	↑
7	Узбекистан	59,7	57,1 (6)	↑
8	Армения	49,8	51,5 (9)	↓
9	Азербайджан	48,4	54,7 (8)	↓
10	Туркменистан	40,1	39,1 (10)	↑
Относительно дружественные / недружественные коммуникационные режимы				
11	Грузия	19,4	15,1 (11)	↑
Недружественные коммуникационные режимы				
12	Молдова	-48,9	-25,3 (12)	↓
13	Литва	-92,4	-82,9 (13)	↓
14	Латвия	-92,6	-84,5 (14)	↓
15	Эстония	-95,2	-88,9 (15)	↓
16	Украина	-99,0	-98,5 (16)	↓

Многовекторность как фактор динамики коммуникационных режимов

Многовекторность постсоветских стран все в большей степени распространяется за пределы политической и экономической сфер и охватывает образование, науку, культуру, медиа и гражданские коммуникации. По сути, мы можем говорить о формировании гуманитарной многовекторности. Сама по себе гуманитарная многовекторность не ведет автоматически ни к снижению, ни к росту дружелюбности коммуникационных режимов. Ее эффект определяется степенью институциональной упорядоченности и управляемости коммуникаций внутри страны. При четко заданных правилах гуманитарная многовекторность расширяет пространство маневра постсоветских стран и одновременно позволяет сохранять

устойчивые коммуникации с Россией. При отсутствии таких четко заданных правил и слабой управляемости коммуникаций гуманитарная многовекторность приводит к фрагментации внешних коммуникаций, внутренней эрозии общества и институтов его консолидации и воспроизводства. Формируются параллельные (иногда альтернативные) культурные и образовательные траектории, слабо связанные между собой. Такая тенденция проявляется, например, в Армении, Молдове. В перспективе высокие риски в данном контексте имеет ряд стран Центральной Азии.

На наш взгляд, решающим фактором в условиях многовекторности является не количество внешних векторов, а их иерархия и приоритетность. В 2025 г. отчетливо проявились такие типы многовекторности, как асимметричная и селективная. Асимметричная многовекторность предполагает баланс отношений с разными странами, но фактически – доминирование одного вектора. Селективная многовекторность означает функциональное распределение приоритетности внешних партнеров по разным сферам. При этом на фоне напряженных отношений ряда «векторов» между собой постсоветские страны с асимметричной моделью многовекторности и с недостаточными собственными ресурсами движутся в сторону одновекторности, институционального закрепления одного внешнего партнера и сознательного или вынужденного ограничения альтернативных партнеров. И особенно это показательно в странах верхней и нижней частей Рейтинга дружелюбности коммуникационных режимов.

Кроме сказанного, отметим, что многовекторность ведет к эрозии прежней условной бинарности «пророссийские – прозападные» коммуникационные режимы. Вместо нее, например, в ряде стран Центральной Азии, формируется спектр более сложных конфигураций.

Логика дружелюбности и недружелюбности

Анализ динамики 2025 г. показывает, что рост дружелюбности характерен прежде всего для коммуникационных режимов интеграционного типа. Наиболее устойчивые и высокие показатели демонстрируют страны и территории, где коммуникации институционально «вшиты» в российские правовые, образовательные, медийные и гуманитарные проекты (программы) и опираются на кумулятивный эффект взаимодействия сразу в нескольких сферах (политике, экономике, безопасности и гуманитарной сфере). Чем больше таких сфер связаны и синхронизированы между собой, тем устойчивее дружелюбность. Проявление этой тенденции характерно во всех странах, входящих в разного рода интеграционные объединения с Россией. Но наиболее явно она прослеживается в ядре дружественных коммуникационных режимов – в Южной Осетии, Абхазии, Беларуси. В этих странах дружелюбность не сводится к декларативной политической лояльности, а воспроизводится через систему институтов, норм и практик, которые делают российское присутствие элементом национального коммуникационного пространства. При этом мы понимаем, что коммуникационные

режимы Абхазии и Южной Осетии носят патронально-интеграционный характер, где коммуникационная система «вложена» в российский контур.

Снижение дружелюбности в другой группе стран связано с геополитической конкуренцией, целенаправленной политикой национальных правительств по секьюритизации коммуникаций. В недружественных режимах коммуникации с Россией последовательно выводятся из сферы «обычной политики» и переводятся в статус угрозы национальной безопасности. Это расширяет полномочия государства и позволяет применять экстраординарные меры регулирования коммуникационной сферы. Как правило, это сопровождается ужесточением правового режима, нормативной блокировкой гуманитарных и медийных каналов, ограничением доступа к публичному пространству и стигматизацией связанных с Россией акторов и идентичностей. Такая логика характерна прежде всего для Украины, стран Прибалтики и в нарастающей степени для Молдовы. В Молдове закрытие русскоязычных телеканалов и онлайн-платформ сопровождалось обвинениями в «дезинформации» и «угрозе национальной безопасности». Признаки секьюритизации коммуникаций, стигматизации России ситуативно проявлялись в 2025 г. в коммуникационных режимах Азербайджана и Армении.

Чем жестче регуляторные барьеры и рестрикции в отношении России и русских, тем слабее социальные и гуманитарные контакты и тем меньше пространство для частных гражданских коммуникаций. Секьюритизация распространяется не только на государственные или аффилированные структуры, но и на более широкие русскоязычные и культурные пространства. Это формирует негативную обратную связь, при которой коммуникационный режим закрепляется именно как недружественный и становится все менее восприимчивым к внешним корректирующим воздействиям. Со временем начинает срабатывать эффект самовоспроизводства недружественных режимов (например, в Эстонии, Литве, Латвии).

Прагматизация коммуникаций и изменение роли России

В 2025 г. условия и возможности коммуникаций стали еще более прагматичными. Это означает переход логики ценностной близости и исторической общности к логике расчета выгод, издержек и функциональной полезности. Для России это имеет принципиальные последствия. Историческая память, общий язык и культурная близость перестают автоматически обеспечивать устойчивость коммуникационных каналов. Они сохраняют значение там и тогда, где и когда они конвертируются в конкретные преимущества (образовательные возможности, профессиональную мобильность, экономические проекты, безопасность, доступ к инфраструктуре и рынкам и др.). Позиции России все в большей степени определяются качеством институтов и предлагаемых форматов взаимодействия, а не глубиной культурного, символического наследия (что, несомненно, важно, но уже не определяет приоритетность отношений с Россией). Наиболее эффективными

площадками для такого взаимодействия оставались ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, масштабные экономические форумы, проходящие в России.

Российское направление в большинстве случаев сохраняет высокую значимость, но все реже обладает монопольным статусом и эксклюзивностью и все чаще конкурирует с альтернативными предложениями. Зафиксированное в ряде стран улучшение условий коммуникаций с РФ (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Грузия) следует рассматривать как часть более широкой прагматизации внешней политики. Россия оказывается одним из значимых партнеров в расширяющейся системе внешних связей, и ее позиции все больше будут зависеть от конкурентоспособности предлагаемых решений.

Усиление государственного регулирования медиа и гражданских коммуникаций

Общей тенденцией 2025 г. стало усиление контроля над информационным полем, деятельностью СМИ, НКО и религиозных организаций. Эти процессы затронули практически все группы стран, но с разной силой, разной логикой и последствиями. В недружественных режимах (Украина, страны Прибалтики, Молдова) усиление регулирования имело ярко выраженный антироссийский характер и было направлено на ограничение российских каналов и дискурсов. Наиболее жесткие и политически нагруженные изменения продолжились на Украине, где регулирование медиа, НКО и религиозной сферы в 2025 г. оставалось частью более широкой логики национальной безопасности и конфликта с Россией. В Армении и Азербайджане наблюдались отдельные случаи рестрикции российских медиа и НКО. В многовекторных странах усиление регулирования носило универсальный характер (распространилось на все страны) и имело целью сохранить внутреннюю управляемость, ограничить внешние влияния, которые считались дестабилизирующими. При этом российские каналы коммуникации практически не пострадали, если не противоречили внутренним политическим нарративам. Так было, например, в странах Центральной Азии. В союзнических режимах (Абхазия, Беларусь, Южная Осетия) контроль зарубежных медиа и НКО сочетался с институциональной поддержкой дружественных российских коммуникаций.

Отдельно выделим усиление контроля за деятельностью религиозных организаций, хотя формы и политический смысл этого процесса в разных странах существенно различались. В одних случаях изменения имели выраженный политически ангажированный характер (например, в Молдове, Армении и др.), в других – были связаны с задачами централизации управления религиозной сферой, профилактики радикализма или обновления устаревшего законодательства (например, в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане). Эти изменения носили общий характер и не были направлены против России и православия.

Асимметрия между формально закрепленными правилами и реальными практиками коммуникации

Во многих странах наблюдается расхождение между нормативными установками (например, законами о СМИ, НКО, религии, цифровых платформах) и коммуникационными практиками. Русскоязычные, трансграничные, диаспоральные и профессиональные связи продолжают воспроизводиться даже в условиях юридических ограничений, что еще раз доказывает двухуровневость коммуникационных режимов. Один уровень – это официальный, институционально регулируемый. Второй уровень – неформальный, опирающийся на социальные сети, личные контакты, родственно ориентированные социальные структуры, миграцию и др. Например, в Казахстане при формальном усилении регулирования медиа, НКО и языковой политики сохраняются устойчивые русскоязычные профессиональные, образовательные и бизнес-сети, функционирующие на основе личных контактов. В Армении при изменении внешнеполитической риторики и институциональных ориентиров продолжают активно действовать диаспоральные, экспертные и религиозные коммуникации, во многом опирающиеся на неформальные каналы и русский язык. В Молдове законы о СМИ и цифровом пространстве вступают в противоречие с повседневными практиками населения, где русскоязычные медиа, трансграничные семейные связи продолжают играть значимую роль. Иными словами, политико-нормативный уровень может демонстрировать «суверенизацию», а социальный уровень воспроизводит трансграничные связи. Рассогласование этих уровней создает предпосылки для раскола между властью и обществом.

Раскол власти и общества в государствах недружественного курса

В постсоветских странах, выбравших недружественный по отношению к России внешнеполитический курс, фиксируется раскол между властью и обществом, что отмечалось нами в отчетах мониторинга коммуникационных режимов начиная с 2023 г. В Молдове, например, он проявляется в противостоянии проевропейских элит и значительной части населения, ориентированной на Россию. В Армении раскол между властью и обществом проявляется в расхождении внешнеполитического курса правящих элит и общественных ожиданий части населения. Руководство страны политически дистанцируется от России, переориентируясь на Запад, тогда как значительная часть общества продолжает рассматривать Россию как основного гаранта экономического благополучия, сохранения армянской идентичности и безопасности. На Украине раскол власти и общества проявляется в разрыве между официальной милитаризированной риторикой и нарастающей социальной усталостью. В странах Прибалтики раскол усиливается из-за политики исключения русскоязычных граждан. Во всех случаях элитные решения, опережающие общественный консенсус, усиливают фрагментацию и напряжение.

Вместе с тем такие расколы со временем могут исчезать, если они сопровождаются целенаправленными изменениями правил, каналов и логик коммуникации. Анализ практик показывает, что: 1) власть может переформатировать повестку, смещая фокус с социально-экономических проблем на вопросы угроз, безопасности и «внешнего давления»; это переводит раскол из плоскости «власть – общество» в плоскость «государство – враги»; 2) власть может создавать эффект «молчаливого большинства», усиливая в публичном пространстве голоса лояльных групп и вытесняя и стигматизируя альтернативные позиции; 3) власть может с помощью изменений в коммуникационном режиме стимулировать адаптивную лояльность, когда часть общества не столько меняет убеждения, сколько публично принимает доминирующую интерпретацию как социально безопасную. Таким образом, управляемый коммуникационный режим позволяет власти консолидировать поддержку не через согласие, а через перераспределение видимости и допустимости мнений, что постепенно трансформирует общественное мнение в сторону формальной или вынужденной поддержки.

Русский язык как инструментальный ресурс

Особое место в трансформации коммуникационных режимов занимает русский язык. В недружественном блоке стран в 2025 г. он все чаще использовался как язык антироссийской пропаганды и информационных войн, направленных на русскоязычную аудиторию. На Украине он активно используется в антироссийских медиапроектах и информационно-психологических операциях, ориентированных именно на русскоязычную аудиторию (как внешнюю, так и внутреннюю). Здесь русский язык становится инструментом воздействия, а не идентификации. В Молдове при символическом вытеснении русского языка из официальной сферы он сохраняется в политическом активизме, медиа и экспертных комментариях, адресованных «русскоязычному сегменту». В странах Прибалтики русский язык, при жестких рестрикциях в образовании и публичной сфере, сохраняется как рабочий инструмент антироссийских проектов, аналитики и региональных исследований. Также русский язык сохраняется как инструмент профессиональной и аналитической подготовки иностранных специалистов (например, через курсы при университетах и языковых центрах в недружественных постсоветских странах). Таким образом, русский язык в условиях геополитической конкуренции и враждующих коммуникационных режимов превращается из показателя культурной, идентификационной и исторической близости в ресурс политической борьбы, информационного давления, когнитивно-ментальных интервенций.

Одновременно с инструментализацией русского языка в недружественных коммуникационных режимах происходит зачистка русскоязычных каналов, не соответствующих логике власти и доминирующему коммуникационному режиму. Это выражается в блокировке русскоязычных СМИ, каналов и медиаплощадок, предлагающих альтернативные интерпретации конфликта или критику

официальной повестки. Русский язык допускается лишь в лояльной, мобилизационной или пропагандистской форме. Путем регуляторных решений власти фактически вытеснили независимые русскоязычные медиа, оставив в публичном поле только контролируемые или переформатированные каналы. Таким образом, русский язык сохраняется лишь как допустимый инструмент власти, тогда как автономные русскоязычные коммуникации системно исключаются из публичного пространства.

Выводы

Таким образом, постсоветское пространство в 2025 г. представляло собой мозаику структурно разнородных, но взаимосвязанных коммуникационных режимов. Сравнение стран показывает, что ключевой линией дифференциации стала не просто «открытость / закрытость» коммуникационных режимов, а сочетание трех параметров: (1) степень внутренней управляемости коммуникаций, (2) структура внешних контуров (монополярность или многовекторность), (3) уровень секьюритизации всего российского и русского (язык, каналы коммуникации, символы, идентификации и проч.).

Россия остается ключевым актором для значительной части стран региона, прежде всего в сферах экономики, безопасности, образования, миграции, исторической памяти. Однако характер этого присутствия меняется. В одних случаях оно институционально углубляется (Южная Осетия, Абхазия, Беларусь, все страны Центральной Азии), в других становится функциональным и сегментированным (Азербайджан, Армения, Грузия), в-третьих, системно ограничивается и переводится в режим контролируемого минимального взаимодействия (Молдова) или полного запрета (Латвия, Литва, Эстония). Украина находится в состоянии вооруженного конфликта, что логично привело к формированию жестко рестриктивного режима в отношении России. При этом полностью вытеснить Россию из коммуникационного пространства не удалось ни одной стране, так как даже негативная повестка о России в недружественных странах «возвращает» Россию в публичное коммуникационное пространство, не говоря уже о частных коммуникациях отдельных граждан, экономических и логистических зависимостях, потребности консолидироваться в борьбе с трансграничными угрозами и вызовами.

Вместе с тем прежнее российское влияние все чаще сталкивается с конкурентной средой, где решающую роль играют не столько исторические связи, сколько прагматичная политика стран. В условиях многовекторности эта политика ведет в ряде стран к утрате Россией статуса эксклюзивного партнера и доминирующего актора.

С научно-практической точки зрения материалы мониторингов за несколько лет показывают, что:

- коммуникационные режимы постсоветских стран целесообразно рассматривать как институционально оформленные подсистемы политического

управления, через которые государства контролируют акторов коммуникации, регулируют производство смыслов, доступ к каналам публичности и конфигурацию внешних связей;

- институционализация коммуникаций важнее дискурса; благожелательная риторика не компенсирует правовых ограничений, деинституционализации каналов коммуникации и вытеснения языка и медиа (правила и процедуры, а не символические жесты определяют устойчивость взаимодействия);

- в широком плане коммуникационные режимы выступают индикатором границ субъектности государств, являясь практическим выражением используемой модели суверенитета;

- помимо традиционной функции обмена, коммуникации все сильнее превращаются в инструмент идентичностного разграничения и внутренней мобилизации;

- в условиях гибридных войн коммуникационные режимы все чаще становятся инструментами когнитивно-ментальных интервенций.

Список литературы

1. Гасумянов В.И., Комлева В.В. Дружелюбность страновых коммуникационных режимов: интерпретация и оценка [Friendliness of Country Communication Regimes: Interpretation and Assessment] // Международная жизнь. 2021. № 8. С. 68–77.
2. Гасумянов В.И., Комлева В.В. Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы [Communication Regimes as a Factor in Intercountry Interactions: Problem Statement] // Международная жизнь. 2020. № 10. С. 38–49.
3. Катагощина М.В., Комлева В.В., Кузьменко Е.А., Шейн С.А. Многовекторность во внешней политике стран постсоветского пространства: актуальные проблемы и тенденции [Multi-Vector Approach in the Foreign Policy of the Post-Soviet Countries: Current Issues and Trends] // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 105–123. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-105-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-105-123).
4. Комлева В.В. Методика анализа управляемости страновых коммуникационных режимов [Methodology for Analyzing the Manageability of Country Communication Modes] // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 3(5). С. 94–107. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-94-107](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-94-107).
5. Комлева В.В. Секьюритизация национальной идентичности в коммуникационных режимах стран Центральной Азии [Securitization of National Identity in Communication Regimes of Central Asian Countries] // Международная жизнь. 2021. № 12. С. 66–74.
6. Комлева В.В. Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен [Country Communication Regime as a Socio-Political Phenomenon] // Россия и мир: научный диалог. 2021. № 1(1). С. 13–26. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26>.
7. Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружелюбности – 2025. Научный доклад по результатам мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран / Под научной редакцией В.В.Комлевой. М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2026. 120 с. ISBN 978-5-7151-0685-8
8. Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружелюбности – 2025. Отчет по результатам мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран / Под научной редакцией В.В.Комлевой. М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2026. 430 с. ISBN 978-5-7151-0687-02.
9. Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружелюбности – 2024. Научный доклад по результатам мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран / В.И.Гасумянов, В.В.Комлева, О.В.Жуликова [и др.]. М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2025. 360 с. EDN ORNJLW.
10. Лункин Р.Н., Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: актуальное значение, типология и особенности постсоветского пространства [Interreligious Dialogue: the Actual Meaning,

Typology and Features of the Post-Soviet Space] // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 52–65. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-52-65](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65).

11. Островский С.С. Ограниченный суверенитет государств как политический феномен (на примере Литовской Республики) [Limited Sovereignty of States as a Political Phenomenon (on the Example of the Republic of Lithuania)]: дисс. ... канд. полит. наук: 5.5.4. М., 2025. 159 с.
12. Сутырин В.В. Пересборка постсоветской Евразии: лидерский потенциал России в условиях внешнего давления [Reassembling Post-Soviet Eurasia: Russia's Leadership Potential in Conditions of External Pressure] // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 22–33. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-22-33](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-22-33).

Информация об авторе

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Профессор. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций. Директор Центра международных стратегических исследований Дипломатической академии МИД России. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 января 2026 г. Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2026 г. Принята к публикации: 20 февраля 2026 г. Опубликовано: 1 марта 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Gasumyanov V.I., Komleva V.V. Friendliness of Country Communication Regimes: Interpretation and Assessment. *Mezhdunarodnaya zhizn` [International Affairs]*. 2021; 8:68–77 [In Russian].
2. Gasumyanov V.I., Komleva V.V. Communication Regimes as a Factor in Intercountry Interactions: Problem Statement. *Mezhdunarodnaya zhizn` [International Life]*. 2020; 10:38–49 [In Russian].
3. Katagoshchina M.V., Komleva V.V., Kuzmenko E.A., Shein S.A. Multi-Vector Approach in the Foreign Policy of the Post-Soviet Countries: Current Issues and Trends. *Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Sc. Dialogue]*. 2024; 4(14):105–123 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-105-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-105-123).
4. Komleva V.V. Methodology for Analyzing the Manageability of Country Communication Modes. *Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Sc. Dialogue]*. 2022; 3(5):94–107 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-94-107](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-94-107).
5. Komleva V.V. Securitization of National Identity in Communication Regimes of Central Asian Countries. *Mezhdunarodnaya zhizn` [International Affairs]*. 2021; 12:66–74 [In Russian].
6. Komleva V.V. Country Communication Regime as a Socio-Political Phenomenon. *Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Sc. Dialogue]*. 2021; 1(1):13–26 [In Russian]. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26>.

7. Communication Regimes of Post-Soviet Countries: Friendliness Rating – 2025. Scientific Report on the Results of Monitoring the Communication Regimes of Post-Soviet Countries. Edited by V.V. Komleva. Moscow: Nacional'nyj issledovatel'skij institut razvitiya kommunikacij [National Research Institute for Communications Development], 2026. 120 p. [In Russian] ISBN 978-5-7151-0685-8.
8. Communication Regimes of Post-Soviet Countries: Friendliness Rating – 2025. Report on the Results of Monitoring the Communication Regimes of Post-Soviet Countries. Edited by V.V. Komleva. Moscow: National Research Institute for Communications Development, 2026. 430 p. [In Russian]. ISBN 978-5-7151-0687-02.
9. Communication Regimes of Post-Soviet Countries: Friendliness Rating – 2024. Scientific Report on the Results of Monitoring the Communication Regimes of Post-Soviet Countries. V.I. Gasumyanov, V.V. Komleva, O.V. Zhulikova [et al.]. Moscow: National Research Institute for Communications Development, 2025. 360 p. [In Russian]. EDN ORNJLW.
10. Lunkin R.N., Melnik S.V. Interreligious Dialogue: the Actual Meaning, Typology and Features of the Post-Soviet Space. *Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Sc. Dialogue]*. 2024; 2(1):52–65 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-52-65](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65).
11. Ostrovsky S.S. Limited Sovereignty of States as a Political Phenomenon (on the Example of the Republic of Lithuania): Theses ... CandSc. (Political): 5.5.4. Moscow, 2025. 159 p. [In Russian].
12. Sutyryn V.V. Reassembling Post-Soviet Eurasia: Russia's Leadership Potential in Conditions of External Pressure. *Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Sc. Dialogue]*. 2024; 3(13):22–33 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-22-33](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-22-33).

About the author

Valentina V. KOMLEVA. DSc. (Sociol.). Professor. Deputy Director for Research, National Research Institute for the Communications Development. Director of the Center for International Strategic Studies at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Address: building 1, 22, Korobeynikov lane, Moscow, 119571, Russian Federation. komleva@nicrus.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: January 10, 2026. Approved after review: February 10, 2026. Accepted for publication: February 20, 2026. Published: March 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.